

далее, до конца пашки. Получаются пра-
мные ровные ряды, как на Улюмовых план-
тациях. Такой порядок нам даст
возможность производить обработку с
применением конной тягловой силы. Для
этого надо сделать борону с зубцами изумной
качки, чтобы они подрезывали траву. Для
зубьев использовать известное железо, они у нас
есть. Борона должна быть трехугольной.
Поперечной задней брусом размером в аршин
с четвертью, от которого должны бруски идти
на конце к передней части бороны. Длина боро-
ны два с половиной аршина, которую свя-
зуют поперечной осью конной. Посади
Митюшу верхний на старую медведь и он
за два тура для выработки всей картошки.

— Да, предложите хорошему. Этим са-
мым же можно высвободить лошадей
для других работ. Я вот думаю: в чем
на посадку картошки под пашу надо ста-
вить брус для использования двадцати
или более осей, — сказал Савва Тривошва.

— Все других предложений нет, тогда
перейдем к вопросу о посевах овса и гороха.
Овса на казен на семь десятин, а гороха
посею на одну десятину. Сеять должны вы
и взятые кони.

— Ну, что же, сколько труда, столько и
посев, так говорят. Сколько с них столько

к семье будем, а как с молодой Вакселе, сколько
ты будешь на одну десятину?

— То семь пудов. Мне некуда

— Согласись, — сказали в один голос Филиппов и Френсели.

— В части льна и конопля, здесь tobacco
лицы как бы нам недопустимы ошудку.

Сведишь о маемки этик кустур, на тоша
Большая часть семьи находится на оука
маемк комиссаров. Надо уточнить.

Притом катур-то часть растительного масла
и льняной и конопляной пеньки лии должны
содать Государству. Так что с этими делом
надо обратиться то куднее.

— Какие предложения?

— Мои предложения, Савва Тригорский,
смысла не переубедит, что бы ищет я скурю
Куртинку.

— Переубедит, так переубедит. Какую это
дело поручаю?

— Это дело возведем на себя

— Согласен.

— Теперь остается самый основной вопрос,
это после перемены, которой, как я уже говорил,
имеем но чертаре десятины. Что будем делать?

Где брать семьи?

— Да, самый основной, самый тяжелый
вопрос. Главные же брать семьи? — задумавшись
сказал Савва Тригорский, отступив голову
вниз.

Кастуринко и оканал.

— Яков Андреевич! Разрешите мне доложить
случайно? жена болеет.— попросил Мефедьев
Ружанский Иванов.

— Болеет?

— Да, болеет.

— Ну, что ж, идите, идите Ружанский
Иванов.

— Я быстро вернусь.

— В комнате снова тихо.

— А, что, Яков Андреевич, если мои по-
пытаться сделать точкой ваш продо-
вольственный тишеце, именовался на таких
наших коммунаров, болевши извинки,
которые пишутся на селеню?

— Об этом, Савва Григорьевич, я уже
сказал. Но к этому вопросу надо подо-
ждать более остроумно. Вы сами зна-
ете, что наши коммунары еще сущи-
ком старой материей. Сколько у нас
с вами было вложено труда, что бы
вопреки Народ в коммунизму? А коммунистиче-
ски нас раз-два и обиделся.

— Да, это тоже правдиво.

— Если бы все было коммунистиче-
ски бы сказали коммунизму! отдачи на
продовольствия сколько надо до новых уро-
жай, а извинки отдачи на селеню, а
осеню из нового урожая, получили обра-
тно, но все же этому все мы скажем.

— Совершенно верно. материями

вопрос уперается в политику. Но где
искать выход? Оставайтесь вопросы отпора-
тыи можно только сегодня, а завтра?
Давнее как?

— Оставайтесь вопросы отпора, это
равносильно тому, что развалили нашу
сельскохозяйственную политику, сделали
Болшеви политический шаг. За это мы
коммунисты несли ответственность перед
партией перед народом. Вот, этого до-
пущение никак нельзя. Хотели сегодня
этот вопрос как разрешить, его можно
оставить до приезда Плеханова, а тем
Литвинова Басенкова. Как приедет,
сразу же пойдем к нему и спросим на-
писать письмо в ЦК и ЦК Коммуны, а ко-
мит и в ЦК.

Рассказав свое мнение Яков Андреевич отле-
пился на спинку стула и снова задумался.
В семье происходила жизнь человека. Но
тут же появился Буржуй Яков Иванович
Пойдья в коммуну, он сказал:

— Что, что? Как с вами и доска
пор заседают?

— Да, приобщена, — задумавшись
ответил Яков Андреевич.

— Могу вас порадовать!

— Как, чем?

— Вам Государство отменяет се-
мью суду — пенсию и все.

— Да, что вы говорите?!

— Да, да. Растворившиеся померзало.

— Вот это да! — радостно воскликнул

Яков Андреевич. Он почти восторженно из-за
этого и качал головой по комнате почти-
рая рука.

— А мы сейчас тут и лопали свои
защиты, где взяли семьи? — сказал Савва
Тригорьевич, повернувшись к Буряву.

— Теперь мы выйдем из колодезней!
Выйдем, Савва Тригорьевич, выйдем! — радостно
говорил Яков Андреевич, продолжая ходить
по комнате.

— Да, теперь всё, — облекившись в дождевик,
Савва Тригорьевич.

— Вот оно, что значит каучуковая
Советское Проклитоство! Помогает идет
нам на ветру! Знают люди семьи!
Света Судея! Эх, скорее бы весна, как
хочется бывать в поле!

И Якова Андреевича радостно любил
Кочка. С веселой гулкой на лице сидел
и Савва Тригорьевич.

— А вы, что Яков Иванович не руде-
вистес? Или еще работайте пойдете,
или стоите куда манернее?

— Нет, и не ты и не друзья. А вот пере-
ти на другую квартиру.

— На другую?

— Да. На другую.

— Это почему же?

— Выходите же, Яков Андреевич. Ч. Все

все время марш, как-то естественно
себя чувствуют, там будет спокойнее.

— Да, это правильно. Марш у нас
с утра и до поздней вечера. Но нам
испытать обещают всецело отпустить
полковника, где мы будем проводить раз-
ные собрания, заседания, две двух-три
дня. Фильмовой вернется из Вургань и
вопрос будет решен.

— Но я уже там договорился отпра-
виться как-то неудобно.

— Ну, посмотрим, где Зина.

— Вы что, Илья Иванович, уходите от
нас куда-то куда-то? — спросила Со-
лонья Яковлевна.

— Да.

— А, что, куда?

— Говорят, что у нас все время марш,
естественно уйдешь. — ответил
Илья Андреевич — За Бурцева

— Да, что верно, что верно. Без наво-
ду не бывали ни где, ни ввечер. Ну, что же,
если таме где, как-то все не
жизне на новой плавильне.

— Спасибо! А куда, по свиданию! — сказал
Бурцев Илья, он едет свои земляники и ввечер
из дому.

— До свидания! Забегай!

— Забегу.

— Вот-то же, собрания и уйдешь, на-
когда веро все полковник о новой плавильне.

— 242